

СЛОВО О ПИТИРИМЕ СОРОКИНЕ

Существенной коллизией в рамках сегодняшнего обращения к Сорокину оказывается его «выпадение» из истории социологической науки. Это фигура по большей части современная, вошедшая в базисные общесоциологические представления о социальной структуре, социальной динамике, культурных типах мышления настолько, что в социологических учебниках эти представления существуют вполне отдельно от своего создателя. И в то же время, Сорокин не растворен в бессознательном наследии, это социолог современный в своих ключевых установках и весьма провокационный в отношении злободневных сюжетов современных обществ, а российского – в особенности.

Ключ к пониманию уникального присутствия идей Сорокина в современной социальной науке непосредственно взаимосвязан с его жизненным статусом мыслителя русского зарубежья. Мощное типологическое построение в «Социальной и культурной динамике», крупнейшем труде П.А. Сорокина американского периода, сравнимое с разработками М. Вебера, К. Ясперса, К.Г. Юнга, но очевидно преодолевшее антиномию психологизм – социологизм, открывает главную перспективу современной социологии культуры.

Прежде всего, это соотношение роста гетерогенности и процессов поддержания социальной регуляции. Провозглашение вопросов толерантности в XXI веке лишь отчасти способствует пониманию публичных аспектов жизнедеятельности разнообразных социальных меньшинств. Казалось бы, методологическая конфигурация Истины, Добра, Красоты не проясняет статуса аномических следствий глобализации, но ее принятие функционирующими и вновь образующимися социальными агрегациями создает новую грань социальных рисков. Простая данность несравнимых по

собственным аутентичным основаниям различных культурных типов мышления аксиологически рискованна и логически не внятна. Возникают совершенно неожиданные грани социальной интеграции, переплетения таких ее удаленных полюсов как солидарность и сплоченность. Картина общей недостроенности социального агрегата приобретает черты стабильности. Возникает соблазн усомниться в уместности разговора о внутренней по своей сути логико-смысловой интеграции культуры, – да и в сущности внешняя причинная или функциональная интеграция могут показаться сегодня избыточными. Зато вполне очевидны случаи пространственного или механического соседства, как и случаи ассоциации под воздействием внешнего фактора. Однако в величественном проекте социологического интегрализма П.А. Сорокина всякое продуктивное различие форм интеграции элементов культуры безусловно предполагает выявление высшей, логико-смысловой интеграции, которая приобретает таким образом методологический статус сущностной необходимости, фактической возможности, методологической перспективы. Вероятностность и несамодостаточность причинно-функциональных зависимостей в обществе и культуре составляют главный урок Сорокина-мыслителя веку нынешнему.

В аксиоматическом приятии культурной тотальности в качестве высшего требования к пониманию социального целого скрывается своеобразная опасность. Тема культурной тотальности стала уроком неклассических трансформаций социологического исследования перед лицом антропологических вызовов XX века.

Неизбежность проговаривания культуры в качестве предметного фрагмента социологических исследований современного общества переводит все наработки социальных антропологов и культурологов в разряд тривиальностей. В особенности резко это проступает в совмещении конструкций «культурного лага» и культуры как жизненной основы общества, поддерживающей его значимые образцы, в рамках современного социологического дискурса. Куда же, все-таки, культура «опаздывает»? И,

вообще, в чем смысл разговора о культуре как чем-то отдельном от социального целого, если таковое принимается в качестве принципиальной возможности? Манифестация утраты жизненных оснований в современных формах массовой потребительской культуры не позволяет увидеть этих, куда более безысходных коллизий, созревших во внутреннем логическом пространстве современного социологического мышления. И тем поучительнее урок социологического изучения культурной интеграции по Сорокину. Бесконечность топтания в «предбаннике» структурного функционализма превращает социологическое мышление в культурное бесплодие, когда важнейшие культурные смыслы, достигаемые в социологии как части современной цивилизации, существуют вопреки артикулируемым установкам социологического сообщества и выживают «по усмотрению» авторского авторитета.

И особенно болезненно это ощущается в современной России. Между поисками культурной интеграции и культурной идентичности возникает целый «ворох» логико-смысловых переплетений и наслоений, что само по себе, – факт и симптом. Вот только чего? Прежде всего, очевидна контаминация интеграционных процессов культуры с организационными процессами на уровне типичных, ожидаемых цивилизационных трансформаций в современном российском обществе. Общество и приоритетные национальные проекты образуют новый тип конгломерации установок власти, повседневных ожиданий, господствующих предпочтений, ментальностей, нравов. Вторжение бизнес-аналогий в социальное управление неизбежно, но далеко не безобидно в своем воздействии на процессы стихийной социальной регуляции, составляющей формирующую основу культурного воспроизводства и изменения. Возникает «инфляция» гражданского самосознания и активности как разновидностей общественного труда. Формализация становится исключительным путем к эффективности и предсказуемости повседневной жизни социальных организаций и российского общества в его знаковых культурных событиях, интеграционные

смысловые ресурсы культуры вакантны. Возникает ситуация умозрительной оправданности конформизма, лишённого экстремальных идеалистических и гедонистических установок, складывается своего рода «изнаночная» идеациональность, структурно чуждая каким-либо прагматическим конвергенциям полярных культурных значений.

В методологическом диагнозе Сорокина дело венчается характеристиками цинически-чувственной и псевдоидеациональной ментальностей. Придворные подхалимы, лизоблюды, прагматичные рецензенты и льстецы сосуществуют с многочисленными народными массами, своего рода носителями человеческой предьстории, которые составляют абсолютное большинство в человеческой истории. Именно два этих типа, в равной степени удаленные от положительных преобразующих возможностей идеационализма и чувственности, задают пространство и препятствие интегрализма и конвергенции по Сорокину. Это своего рода «нерв» XX века, урок и предостережение веку XXI.

Подлинная целостность отсутствует, она неактуальна. Господа современности в сущности пассивно-чувственны, все их господство держится на интригах и подтасовках. Такое господствующее положение взаимосвязано с подчиненным статусом полуживотного, в котором Я – лишь смутный центр ощущений, порождающий полуфантазии анимизма. Техника обмана обслуживает интересы господствующего меньшинства, но несамодостаточна по своей сути, вынужденно маскирует свою нигилистическую перспективу, невнятно мямлит с высоких трибун и через *massmedia* о некой духовности. Массы также утратили самодостаточность народной смекалки, живя методом проб и ошибок в постоянно непроясненной, манипулируемой среде. Возникает необратимость утраты моральных чувств, одобрение более легких времен соединено со смутной идеей справедливости, но, в знаменателе остается лишь апатичное и тупое подчинение судьбе, чувственное неодобрение тяжелых ударов. Фатализм

психических реалий лишен движения в силу отсутствия принципиального выбора. Остается одно: как решит Бог или хозяин.

Таков вкратце нелюбезный диагноз нашего времени по Сорокину. Возникают вполне осознаваемые потребительские диффузии глобализации, где судьбы народов выглядят не более чем горькой усмешкой по ходу разухабистой оперетты мировой истории.

Современные нравы нигде еще не заработали положительной оценки. Такова особенность этического сознания, опирающегося на рациональные идеалы и народные образы традиции. Публицистическая решительность – плохой помощник в понимании и решении этого вопроса. Мы снова вынуждены возвращаться к философскому объяснению нравственной потребности человека, сопоставляя ее с социологическим объяснением солидарной, собирательной потребности общества. Нравственная утрата памяти еще не разрушает личности в целом, но делает этот процесс недвусмысленно необратимым. Противоречие сущего и должного, выразившее инвариант традиционной морали, замещено сегодня противоречием допустимого и возможного. Иначе говоря, сущее в качестве допустимого становится следствием отношения к сущему в качестве возможного.

Индифферентность современного российского обывателя к пугающему многообразию антагонизмов сегодняшней ситуации – еще один из индикаторов уместности разговора о ментальностях. Подавляющее численное преимущество обывателей в качестве категории населения еще не составляет российской специфики, но удивительное эмоциональное созвучие повседневных установок, идеологических суждений, теоретических схем вполне гарантируют России отсутствие умопостигаемости. Действительно, рассматривая российского обывателя вообще, мы рискуем его утратить как предмет разговора в принципе, что поставит нас в прозрачную зависимость от собственного опыта в качестве обывателей. Феодально-коммунистические символы социальной справедливости сегодня мало кого способны сделать

своей искренней жертвой, но нашли свою жизнеспособную нишу на рынке современных российских политтехнологий. Это нечто исполняющее роль родимого пятна российской политической культуры. Идеологическая бесчувственность к страшным фактам социального неравенства – признак широкой русской толерантности, которую стыдно признавать.

Жизнерадостная барахолка образов жизни, засоряющая язык и чувства чужеродными тавтологиями – модификация русской речи, выраженная через ее деконструкцию. Легкомысленное пренебрежение своим также легко переходит в самоосмеяние заимствованного чужого. Общая разрушенность смысловых оттенков реального поведения, которые не столько специфичны, сколько универсальны и открывают цивилизационные возможности любому этническому индивидуализму. «Лучшие вещи в мире бесплатны» – максима, уместная для традиционного английского консерватора. «Лучше быть человеком в семье, чем на работе» – так бы можно было представить меру вменяемости советского человека.

Граждане России не стали большими циниками или патриотами, чем советские люди. Мера безнравственности поколений всегда относительна. Социальная справедливость остается умозрительным видением со времен Платона. Человечество спасается не вопреки, но благодаря самоопределению и национальному эгоизму народов. Потребительство дает самый надежный урок здорового образа жизни современному обывателю.

Русская идея, подобно русским былинам, должна быть отнесена к смешанному, идеационально-чувственному типу творческого сознания, определенно претендующему стать идеалистическим. Вместе с тем, закатывающаяся, но господствующая в своем закате западная ментальность определяет выбор будущего общечеловеческого пути, и русская идея здесь не может уже быть поглощена общим знаменателем, от ее активности или пассивности зависит перспектива исторического воскресения человечества.

Осуществление альтернативы зависит от нас.